

Увидев, что Нин Гуйчжу погрузился в раздумья, Сюн Цзиньчжоу слегка отогнал цыплят и утят, сел рядом с ним и начал рассказывать то, что знал сам.

— Лекарства дорогие, многие просто не могут их купить. За аптекой в уезде каждый день дежурят люди, подбирают использованные травы. Принесут домой, промоют, высушат: часть оставляют себе, а остальное ещё можно продать босоногим лекарям.

Нин Гуйчжу, повернув голову, слушал его рассказ и мысленно представил эту картину. Не удержавшись, он спросил:

— А почему они сами не собирают лекарственные травы?

В деревне, где он жил раньше, женщины часто ходили в горы за травами, сами варили отвары и лечебные супы. Тогда он не одобрял подобное, но это было в условиях современной медицины. В древние же времена самостоятельный сбор трав явно выглядел куда разумнее, чем копание в отбросах.

На его слова Сюн Цзиньчжоу замолчал. Через некоторое время он с беспомощной усмешкой ответил:

— Да потому что... никто их не знает.

Нин Гуйчжу застыл.

Гроза уже прошла, молнии и гром давно стихли, но в этот миг ему показалось, будто молния ударила прямо в него, пронзив до самого нутра и лишив мыслей. С самого появления в этом мире, даже понимая, что условия здесь далеки от идеальных, он невольно приравнивал увиденное к той бедной деревушке своего детства. Но сейчас, услышав эти слова, словно что-то щёлкнуло в голове, и он впервые по-настоящему осознал разницу между двумя мирами.

Женщины из его родного села, бедные, самые обычные, возможно, по меркам этого времени уже относились к тем редким сельским людям, которых можно было назвать по-настоящему умелыми и знающими.

Нин Гуйчжу провёл ладонью по лицу. Мысли тут же свернули в другую сторону - к его браку с Сюн Цзиньчжоу. Если смотреть с его собственной позиции, репутация у Сюн Цзиньчжоу была сомнительная, да и условия жизни в семье самые обычные. Но если взглянуть глазами окружающих... разве Сюн Цзиньчжоу не мог считаться хорошей партией?

Подумав об этом, Нин Гуйчжу решил спросить прямо:

— Можно я задам вопрос? Почему ты раньше не женился?

Сюн Цзиньчжоу сейчас было всего восемнадцать, для брака возраст вовсе не поздний. К тому же он служил в уездной управе, каждый месяц получал целый лян серебра, а в семье у них царил ладная атмосфера. По всем меркам, после возвращения домой ему давно могли бы подыскать невесту.

Тема сменилась слишком резко. Сюн Цзиньчжоу на мгновение растерялся, затем с некоторым смущением почесал нос и неопределённо ответил:

— Да... все просто меня боялись.

Нин Гуйчжу уловил эту уклончивость и продолжал смотреть на него, не отводя взгляда.

— Ладно, ладно, — сдался Сюн Цзиньчжоу и, не удержавшись, добавил: — Только давай так: я расскажу, а если тебе станет страшно, сразу скажи, хорошо?

— Говори.

Увидев его спокойную решимость, Сюн Цзиньчжоу почесал затылок и начал с самого начала:

— Пять лет назад меня забрали по набору. Я тогда был молодым, сил хватало, вот и попал в передовые части... ну... туда, где людей убивают.

Сказав это, он украдкой взглянул на лицо Нин Гуйчжу. Убедившись, что тот не проявляет сильных эмоций, Сюн Цзиньчжоу продолжил:

— Чтобы выжить на передовой, руки неизбежно приходится запачкать в крови. Когда меня демобилизовали и я вернулся домой... от меня шарахались не только люди, даже собаки обходили за восемь ли. Так что свахи приводили либо совсем неблагонадёжных, либо тех, у кого семья была настолько бедной, что им приходилось продавать сыновей-геров или дочерей.

В семье Сюн не считали, что с Сюн Цзиньчжоу что-то не так. Таких «кандидатов», которых сватали ему через посредников, родные зачастую выгоняли метлами прямо с порога - те порой и слова не успевали сказать самому Цзиньчжоу. Но и не жениться совсем тоже было нельзя. Тогда Сюн Шишань и Сюн Цзиньпин придумали выход: устроили Сюн Цзиньчжоу в уездную управу букуаем. Пусть это всего лишь букуай, но жалованье - полляна серебра в месяц, и что важно, доход не зависел ни от времени года, ни от объёма работ. В год выходило шесть лян стабильного заработка. После этого Сюн Цзиньчжоу сразу стал куда более «желанным женихом».

А затем как раз случилось так, что новый уездный судья решил разобраться со старыми нераскрытыми убийствами. Прежний глава стражи испугался и отказался этим заниматься, и тогда Сюн Цзиньчжоу сам вышел вперёд.

Дойдя до этого места, он первым делом поспешил оправдаться:

— Я считаю, что поступил правильно.

Нин Гуйчжу согласно кивнул. Уловив это одобрение, Сюн Цзиньчжоу заметно повеселел и продолжил рассказывать.

В маленьком уездном городке все так или иначе связаны родственными узами - на десять ли вокруг сплошь свои люди. К тому же война длилась много лет, а с основания новой династии прошло меньше десятилетия: жизнь только-только начала входить в колею, а у простого народа всё ещё сохранялись привычки смутного времени «помогать своим, а не правде».

Новый уездный судья хотел арестовывать преступников, но для этого нужны подчинённые, готовые выполнять приказы. А все букуаи в управе были местные, и тогда никто особенно не прислушивался к словам начальства.

Тогда Сюн Цзиньчжоу нашёл несколько уличных головорезов. Всё та же логика «помогать своим, а не правде». Раз люди уже пришли забирать виновных, значит, нужно хвататься за оружие и отбиваться. Дальнейший итог несложно было предугадать: Сюн Цзиньчжоу победил. И не один раз. Все дела, которые уездный судья решил довести до конца, не важно, касались ли они простых крестьян или зажиточных землевладельцев, Сюн Цзиньчжоу довёл до суда, а виновные получили наказание.

После этого его «брачный рынок» оказался окончательно разрушен. Стоило лишь спросить любого гера или девушку, почти в каждой семье находился кто-то из старших, кого он когда-то побил. А с учётом его боевой репутации кому вообще хватит смелости?

Желающие, впрочем, всё же находились. Но Сюн Цзиньчжоу на таких даже не смотрел. Его оценка была прямолинейной:

— У этих людей старшие так себе. Если жениться на ком-то из такой семьи, потом хлопот не оберёшься.

— Это правда, — Нин Гуйчжу посмотрел на него и всё-таки сказал серьёзно: — То, что они тебя боятся, - их проблема. Ты ни в чём не виноват.

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся:

— Я это знаю.

Заметив в выражении лица Нин Гуйчжу искреннюю тревогу и заботу, он добавил, словно успокаивая:

— На самом деле они не совсем уж не различают правду и неправду. Просто трусливые. Большинство даже рот открыть не смеют, вот и выходит, будто у меня репутация совсем уж дурная.

Понимая, зачем он это говорит, Нин Гуйчжу лишь беспомощно улыбнулся.

За разговорами прошло немало времени, и на улице уже стемнело. Они быстро умылись, а увидев, что мелкий дождь всё ещё не прекратился, решили на сегодня не выносить птицу наружу. Привели в порядок кухню, занесли туда клетку, устроив цыплят и утят возле очага, а двум собакам заново застелили лежанку сухой соломой.

Закончив с этой мелкой живностью, они в темноте вернулись в спальню.

— Осторожно.

Услышав, как задела табурет, Сюн Цзиньчжоу протянул руку, поддержал Нин Гуйчжу, притянул его ближе к себе и, направляя, повёл к постели. Это движение сблизило их почти вплотную. Темнота многократно усиливала ощущение дыхания и тепла тел; в крошечной мгле, где не видно было собственной руки, абрикосовые глаза вдруг поднялись, зрачки на мгновение расширились.

— Пришли, — Сюн Цзиньчжоу нащупал край кровати и, поддерживая Нин Гуйчжу, усадил его.
— Я выйду, зажгу лампу.

Керосиновая лампа стояла тут же, на тумбе у кровати.

— Не нужно, — Нин Гуйчжу поднял руку и положил её на его предплечье, тихо сказав: — Раздевайся и ложись спать.

— А колена...

— Не помешает. Я потом сам разотру.

Сюн Цзиньчжоу поджал губы, сказал ещё пару слов, но, видя, что Нин Гуйчжу настаивает и не хочет зажигать свет, всё-таки отнял руку. Нин Гуйчжу снял верхнюю одежду и на ощупь перебрался внутрь постели, закатал штанину и принялся растирать колено.

Пока не трогаешь, ещё терпимо, но стоило коснуться, как боль сразу дала о себе знать. Нин Гуйчжу нахмурился и усилил нажим. Сюн Цзиньчжоу забрался на кровать, сел рядом, согнув ноги, и нащупал его руку; дотронувшись до колена, остановился.

— Давай я. Тебе самому неудобно, силы не хватает.

— ...Хорошо.

Нин Гуйчжу убрал руку. Он почувствовал, как тёплая широкая ладонь накрыла колено, а другую ногу Сюн Цзиньчжоу придержал за икру. Жар от его рук передавался сквозь кожу, и в темноте сердце начинало биться быстрее.

Но едва зародившееся чувство близости не успело оформиться, как его тут же смыла резкая боль в колене. Нин Гуйчжу глухо простонал пару раз, тело инстинктивно попыталось отдернуть ногу, но ладонь Сюн Цзиньчжоу, сжимавшая его икру, удержала её на месте.

Когда мучительная процедура наконец закончилась, Нин Гуйчжу словно выдохнул весь воздух разом - так сильно он расслабился. Услышав этот звук, Сюн Цзиньчжоу сжал губы, провёл языком по пересохшим губам. Холодная дождливая ночь не могла остудить разгорячённое тело. Он поднял руку, встряхнул одеяло и укрыл Нин Гуйчжу, сам же остался снаружи, лишь осторожно протянув руку и наполовину обняв его за талию.

Сначала Нин Гуйчжу почувствовал неловкость от такого жеста, а потом понял, что Сюн Цзиньчжоу лежит снаружи. Он пошевелился и сказал:

— Ложись под одеяло.

Он ничего не сказал про объятия.

От этих слов Сюн Цзиньчжоу почему-то стало легче на душе. Он всё так же тихо обнимал его и негромко ответил:

— Подожди немного.

Нин Гуйчжу: «?»

Не совсем понятно, но ладно, раз так.

Сюн Цзиньчжоу мерз вне одеяла больше получаса. Стоило ему нырнуть под одеяло и обнять Нин Гуйчжу, как не прошло и пары секунд, а реакция снова дала о себе знать.

Молчание - вот чем был этой ночью Сюн Цзиньчжоу.

—

На следующее утро небо всё так же было затянуто мелким, морозящим дождём, а в доме стояла промозглая прохлада. В полусне Нин Гуйчжу, следуя за источником тепла, невольно

придвинулся ближе. Сюн Цзиньчжоу открыл глаза, убедился, что Нин Гуйчжу всё ещё спит, и позволил себе обнимать его уже без прежней осторожности. Под одним одеялом всегда теплее, чем в одиночку. Они прижались друг к другу, и даже Сюн Цзиньчжоу, который обычно не любил снова засыпать по утрам, не удержался, зевнул и задремал ещё немного.

Когда Нин Гуйчжу окончательно проснулся, он обнаружил, что лежит в объятиях Сюн Цзиньчжоу. Смутившись, он неловко коснулся носа и попытался отодвинуться.

— Проснулся? — раздался сонный голос Сюн Цзиньчжоу.

— Угу, — Нин Гуйчжу сразу сел, взглянул в сторону окна и спросил: — Который сейчас час?

Сюн Цзиньчжоу прикинул и ответил:

— Уже позднее утро.

После сна мысли Нин Гуйчжу ещё путались. Услышав такой ответ, он на мгновение растерялся, затем сделал вид, что всё понял, коротко произнёс «ага» и лихорадочно начал рыться в воспоминаниях прежнего хозяина тела. «Позднее утро» - то есть час Чэнь, его ещё называли временем еды. В пересчёте это примерно с семи до девяти утра.

— Уже не рано, вставай, — сказал он вслух.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, взял с тумбочки у кровати одежду, подал Нин Гуйчжу его верхнюю накидку, а сам оделся, стоя у кровати. Нин Гуйчжу тоже оделся, спустился с кровати, по привычке поправил постель и одеяло, затем взял лежавшую на столе бамбуковую палочку и собрал волосы в высокий хвост.□□

Гладкие чёрные волосы, блестящие и послушные, описали в воздухе красивую дугу. Сюн Цзиньчжоу, глядя на бамбуковую палочку, которой Нин Гуйчжу заколол волосы, слегка нахмурился, про себя решив, что стоит бы подобрать ему более приличную шпильку.

— Что такое? — заметив его взгляд, Нин Гуйчжу чуть повернул голову и вопросительно посмотрел на него.

Сюн Цзиньчжоу ответил прямо, без утайки, а заодно спросил:

— Сколько денег из сундука мне можно тратить?

Нин Гуйчжу: «...»

Ему почему-то вдруг захотелось рассмеяться. Он кашлянул, сдерживая улыбку, и с самым серьёзным видом сказал:

— Теперь еда и все повседневные расходы - на хозяйстве, тебе особенно тратиться не на что. Давай так: каждый месяц будешь брать себе по пятьдесят вэней. Как тебе?

Сюн Цзиньчжоу кивнул:

— Подходит.

Пятьдесят вэней - сумма немалая. И главное, каждый месяц.

<http://bllate.org/book/14958/1372655>